

НАША СТРАНА

Editor-Director
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAIS”
SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 523.142

Correo Central B. Argentina

FRANQUEO PAGADO
Concesión N° 4233
Concesión No. 3980
INTERES GENERAL

АÑO X Buenos Aires, Jueves, 31 de octubre de 1957 • Буэнос Айрес, четверг, 31-го октября 1957 г. № 406

Николай Сарафанов

ФЕВРАЛЬСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Историю учить — бесполезно; у истории нужно учиться.

1. НАИВНОЕ САМООПРАВДАНИЕ.

В 48-й книге “Нового Журнала” напечатаны две статьи, — Карповича и Вишняка, — посвященные сорокалетнему юбилею Февральской революции. В целях воздействия на умы широких кругов эмиграции, в массе своей относящейся к означенной революции отрицательно, парижская газета “Русская Мысль” нашла необходимым обе указанные статьи полностью перепечатать.

Выражая признательность “Р. М.” за любезное осведомление, необходимо отметить, что как в прежние годы, так и сейчас, юбилейные самовосхваления творцов Февраля не достигают цели или, вернее, дают результаты прямо противоположные их замыслам.

Эмигрантский читатель, знающий о Феврале не по книгам и не из чужих слов, не так наивен, как его маститые публицисты-наставники, которые 40 лет, с настойчивостью, достойной лучшей участи, пытаются внушить, что черное есть белое, а белое — черное.

Читая произведения указанных авторов, трудно отделаться от тягостного впечатления, что вот, подожди к тебе заведомый поджигатель и твоего отчего дома злой разоритель и, положив свою преступную руку на твое плечо, умильным голосом непорочного праведника внушает.

— Да, мы твой дом сожгли до тла и ты сейчас скитаешься без крова по чужим странам. Но, если бы ты знал, какие благие намерения, какие высокие идеалы нами руководили!

— С горечью признаем, что пока мы плясали танец великой бескровной победы над ненавистным нам “паризмом”, наши друзья и товарищи — большевики, захватив власть, начали мучить и убивать твоих родных и близких, а тысячи тысяч совершенно невинных посылали в тюрьмы и сверхкаторжные лагеря, где многие томятся и по сей день.

— Вегь нам! — мы этого не предвидели и не хотели. Да и большевики не всегда были такими плохими. “В февральскую эпоху, — говорит Вишняк, — они и сами, может быть, не проектировали применения к несогласным заложничества, пыток и массовой ликвидации”.

Иных речей от активных деятелей революции трудно, конечно, ожидать. Не могут они и промолчать: — тынет преступника на место его преступления. Запоздалый голос совести требует оправдания. Но, увы, преступные деяния не могут быть оправданы благими намерениями или наивными искажениями исторических фактов. И, пожалуй, было бы лучше не поминать каждое десятилетие эту — опозоренную их преступлением — страницу русской истории.

Г-н Вишняк напрасно беспокоится — память о Феврале ничуть не тускнеет, но разгорается все ярче и ярче, как о преступном зачателе великой русской революции, как о родном отце Октября, затворившего Россию кровью миллионов ее верных сынов и 40 лет истязавшего русский народ пытками, перед которыми бледнеют и кажутся вехом гуманности газовые камеры немецких нацистов.

Преувеличение?
Нет, не преувеличение, но самая подлинная действительность!

Вишняк несомненно читал в “Новом Журнале” свидетельство Андреева — “Товарищ Косов”, — где он рассказывает, как тысяча крестьянских семейств была вырезана в сибирскую тайгу и брошена там без крова, без хлеба, без

оружия и без каких бы то ни было орудий для постройки жилищ и добывания пищи. И как от этой тысячи семейств, где была не одна тысяча детей, прошедших через невероятные муки голода и холода, через одну только зиму, осталось меньше десятка догнивающих от зыбги живых трупов.

Кровь и страдания этих несчастных не только на руках большевиков, но и на руках всех тех кто подготовил и начал в феврале русскую революцию. Эту кровь не смоят и моря чернил, которые сорок лет безостановочно льются в наших эмигрантских журналах и газетах.

Несмотря на этот чернильный потоп, в сознании русского народа февральское лихоедеяство навсегда останется преступлением, которому нет имени и которому не могут быть никакого оправдания.

Всем же услужливым истребителям истины и февральского позора безуспешным оправдателям можно напомнить слова мудрого царя Соломона, который говорил:

“Иметь лицепрятие на суде — не хорошо. Кто говорит виновному: “ты прав”, того будут проклинать народы, того будут ненавидеть племена”. (Притчи 24: 23, 24).

2. МУТНАЯ ВОДА АЛВОКАТОВ РЕВОЛЮЦИИ.

Когда Карпович с иронией, слегка извращая, формулирует некоторые тезисы противников Февраля и в то же время забывает противопоставить им столь же простую и отчетливую формулу тезисов защитников февральского лихоедеяства, он вполне сознательно мутит воду потока русской истории, чтобы ловить в этой мутной воде нужную ему рыбу. Забывая свой собственный совет об “извлечении из опыта прошлого политических уроков для настоящего”, Карпович, как и все другие правозаступники Февраля, не учится у истории, но учит и наставляет ее — какою она должна быть для его личных целей в настоящем.

Затем, чтобы окончательно отвлечь внимание эмигрантского читателя от центральной темы отечественной трагедии, чтобы легче было скрыть историческую правду, он сразу же отказывается обсуждать вопрос о причинах русского лихоедеяства, хотя это и не мешает ему в дальнейшем изложении утверждать посылы к февральской революции — протоколъственные затруднения и солдатский бунт — как ее подлинные причины. Между тем и для слепого ясно, что подлинные причины предумышленного февральского злодеяния никак нельзя искать в той обстановке, в которой оно произошло. Не можем же мы поверить Карповичу, что добрые дела и злодеяства зависят от цвета обоев того помещения, в котором они совершаются.

Протестуя против творимых по фактам легенд Февраля, его принципиальные противники отнюдь не голословно, но с фактами в руках, исповедуют следующее.

В предреволюционное время (если не сравнивать эту прошлую жизнь с тем, что русский народ перенес за последние 40 лет) Россия, может быть, и не благоденствовала, в п о л д н о м

смысле этого слова, как не благоденствовала и не благоденствует и сегодня ни одна страна в мире. Повсюду были и есть свои темные стороны жизни. Кое что на Западе было лучше, но и в России было много того хорошего, чего не было на Западе, на что, жившие в России иностранцы, смотрели с восхищением и завистью, и чего никак не хотела замечать, стоявшая спиной к России, наша либеральная интеллигенция.

Наиболее значительным — если не единственным значительным — пороком предреволюционной России было то бесправное положение подлинного Хозяина Земли Русской — крестьянина, — которое создавалось его прикреплением к сельской общине, что фактически лишило его права собственности на землю, принадлежавшей общине и обрекало его на нищету. Перед войной и революцией царское правительство было на правильном пути к расрешению этого большого и болезненного социального вопроса. Однако благодаря закончившемуся Февральской революцией “освободительному движению”, которое, как мы видим дальше, с первого дня своего неудачного существования было “прогрессивно-паралитичным”, правовое положение русского крестьянина сейчас находится на уровне времен крепостного права, или и того значительно ниже.

Во всяком случае, утверждать, как это — чисто по-женски — делает одна глубокомысленная публицистка от революции, что “Россия так нуждалась в европейском укладе своей политической жизни”, — значит не понимать, что если $2 \times 2 = 4$, то 5×5 будет уже не четыре, но двадцать пять. Истина проста: различные слагаемые в своем источнике дают столь же различные результаты. Належась уважаемая публицистка не откажет согласиться, что социально-политические слагаемые России и Запада никогда не были однозначны и, следовательно, они никак не могли и не могут дать в своем конечном итоге одного и того же политического уклада, в котором некоторые в России так нуждались. Иначе говоря, ожидать от русской революции французских последствий, в форме буржуазной республики и демократии, по меньшей мере — наивно. Никакие ссылки на непопулярные “законы истории” в данном случае никому ума не прибавят.

3. ПУТЕМ КАИНА.

Признавая, что предреволюционная Россия “находилась в состоянии прогресса, а не реакции или застоя”, Карпович забывает добавить, что этот прогресс в течение целого столетия сознательно тормозился деятелями “освободительного движения”, которые на каждое прогрессивное мероприятие русского правительства отвечали кровью бесчеловечных казней и тем вызывали реакционный застой в нормальном развитии русского народа и государства.

“Освободительное движение”, как известно, ведет свое начало от бунта декабристов в 1825 году. В указанном бунте, конечно, еще ничего сознательного не было. Тем не менее он сделал свое “прогрессивно-паралитичное” дело, затормозив на несколько десятилетий осуществление назревших после Отечественной войны социальных реформ.

В царствование Александра II-го правительство твердо вступило на путь коренных преобразований, чтобы поставить русское государство в уровень с условиями современности, не прибегая к рабскому копированию чуждых Рос-

В ЧЕТВЕРГ, 7-го НОЯБРЯ, ПОСЛЕ 19-ти ЧАСОВ, СЛУШАЙТЕ ПО RADIO NACIONAL 710 кГц. СПЕЦИАЛЬНУЮ РАДИО-ПЕРЕДАЧУ, ПОСВЯЩЕННУЮ ПАМЯТИ ЖЕРТВ СОРОКАЛЕТНЕЙ БОРЬБЫ РУССКОГО НАРОДА ЗА СВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ИГА КОММУНИЗМА

сии западных порядков. На эти реформы “освободительное движение” не замедлило ответить целым рядом систематических убийств, которые достигают своего апогея 1-го марта 1881 года. В этот роковой день бомба, брошенная палачами от революции, прервала жизнь Царя-Освободителя.

Помимо сознательного желания деятелей революции путем террора задержать социальный прогресс русского государства, “вина” Александра II-го — по их мнению — заключалась в том, что он только освободил крестьян и дал России широкие судебные и земские реформы. Но он не создал, по принятому на Западе образцу, биржи-парламента для увлекательных политических спекуляций и весьма выгодной торговли народными интересами, как того настойчиво добивалась рьяная Петром в заморское платье и пудренная французской пудрой, полурусская либеральная интеллигенция, мечтавшая о безраздельной власти над русским народом.

Кровь продолжала литься. Революционный застеночек работал не покладая рук и всеми доступными средствами тормозил развитие и социальный прогресс России.

Чтобы судить о силе этого злонамеренного тормоза мирного развития России, достаточно будет привести список “мокрых дел” апостолов свободы от главной заповеди человеческого общежития: “не убий”, за пятилетие 1901 — 1905 г. г.

14 февраля 1901 года, палачом от революции студентом Карповичем — убит министр нар. просвещения Боголепов. Гуманное царское правительство не лишило его жизни, как он того заслуживал, но осудило на каторжные работы, от которых он был освобожден по амнистии 1905 г.

22 мая 1901 года — неудачное покушение студента Лаговского на жизнь обер-прокурора Св. Синода Победоносцева.

2 апреля 1902 г. палач добровольец — студент Балмашев — поводит в исполнение бессульную казнь министра внутренних дел Сипягина.

В том же году революционный застеночек покушается на убийство хабаровского губернатора кн. Оболенского.

В 1903 г. палач от революции — Гершун — убивает уфимского губернатора Богдановича.

В том же году тяжело ранен убийцами от революции главноначальствовавший Кавказа кн. Голицын.

В январе 1904 г., совершено покушение на жизнь ломжицкого губернатора бар. Корфа.

В том же январе еще одно покушение на жизнь тифлисского полицмейстера.

15 июля 1904 г. палач из рядов “освободительного движения” — Сазонов — убивает мин. внутренних дел Плеве.

4 февраля 1905 г. палач от революции — Калаяев — творит бессульную казнь над вел. князем Сергеем Александровичем.

Своей вершины революционный террор достигает в сентябре 1911 г., когда

В ВОСКРЕСЕНЬЕ, 3-го НОЯБРЯ с. г., в 17 ЧАСОВ СОСТОИТСЯ БОЛЬШОЕ ОТКРЫТОЕ СОБРАНИЕ В ЗАЛЕ НА УЛ. ЧАКАБУКО 955

“ДЕНЬ НЕПРИМИРИМОСТИ”

был убит Столыпин, осмелившийся довести до конца начатое Царем-Освободителем крестьянское освобождение.

Кровь, кровь и кровь!

И если все-же, — повторяя слова Карповича, — “у предреволюционной России были определенные и притом возраставшие шансы на решение внутренних проблем путем мирного эволюционного развития”, то отсюда необходимо следует только один возможный вывод:

В России не было объективных причин ни для истерико-садистического “освободительного движения”, ни для революционной ломки государственного строя в ответственные и судьбоносные дни окончания мировой войны. А отсюда в свою очередь следует, что Февральская революция была, есть и будет величайшим преступлением перед Россией и ее народом. Не говоря уже о том, что Февраль затормозил нормальное развитие России.

4. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА.

К числу творимых легенд относится и миф о стихийности или случайности Февральской революции и о том, что в предреволюционное время “большинство оппозиции не только не хотело революции, но было озабочено тем, как бы ее предотвратить”.

Между тем неистребимая историческая правда заключается в том, что люди, целое столетие готс-жившие в России революцию, сознательно использовали в феврале 1917 года трудности военного времени, чтобы устроить — сначала заговор, а затем и открытый бунт против верховной власти. Однако, несмотря на первоначальную удачу своей антинародной и антигосударственной акции, заговорщики Февраля сами подготовили свое жестокое поражение: вынудив у Государя отречение от престола, они — подобно Анчутке беспятому — срубили тот сук, на котором сидели.

Продовольственные беспорядки и бунт запасных солдат Волынского полка еще далеко не народная стихия и не революция. Достаточно указать, что во время Первой Мировой войны в республиканской Франции подобных “революций” было около сотни и все они были безжалостно подавлены.

Февральское лихоедеяство, которым откоялась великая русская смута, началось с того момента, когда Временный Комитет Государственной Думы, под руководством Родзянко и имея за собою поддержку высшего фронтового армейского командования, вплоть до Нач. Штаба Верховного Главнокомандующего — ген. Алексева, возглавил бунт солдат петербургского гарнизона. *)

Об этой жуткой правде февральских событий в так называемых прогрессивных кругах русской эмиграции говорить не любят. Но эту правду мы знаем не от противников Февраля, но из статьи Миллюкова — “Первый день”, написанной им по свежей памяти в 1927 году (“Посл. Нов”. № 2180), когда революционный угар и восхищение собственной доблестью еще не успели выдохнуться.

Вот, что говорит один из партийных вождей, один из наиболее значительных и наиболее умный творец февральских событий, который, увы, в государственных делах большого масштаба оказался наивным до... крайности.

“Утром 27 февраля 1917 года я проснулся в девятом часу на звонок швейцара, который прибежал сказать, что в казармах Волынского полка происходит что-то неладное... Действительно, ворота были открыты, и во дворе казармы произошло какое-то необычное движение. Отдельные фигуры и целые группы солдат двигались в разных направлениях, размахивая руками и что-то крича, как сильно взволнованные люди. После событий предшествующих дней в этом, конечно, не было ничего необычного и неожиданного. Но как-то само собой, сразу почувствовалось, что вот это и есть то самое, чего все ждали, чего одни хотели, другие боялись: русская революция. (подч. мною Н. С.) Она, видимо, принимала форму солдатского бунта. Это тоже не было впрямую неожиданно. Ведь месяца два пе-

ред тем... эта революция так подробно обсуждалась, как неизбежная, — и кто-то спросил меня: “отчего Дума не возьмет в свои руки власть?” Я ответил тогда: “приведите к Таврическому Дворцу два полка солдат; мы тогда потолкуем...” (подч. Н. С.).

Лично, как бывший офицер, могу засвидетельствовать, что этот призыв видного члена Госуд. Думы к солдатскому бунту, как и его же глупость и измена, содеянные речью 1-го ноября 1916 года, усилиями рабочей группы Военно-промышленного Комитета, были мгновенно распространены в казармах петербургского гарнизона и были главной причиной февральских военных беспорядков. Дальше Миллюков повествует о том, как состоялось последнее заседание Госуд. Думы, на котором ее председатель огласил приказ о роспуске. Как затем, на частном совещании бывших членов Думы, после продолжительных фракционных совещаний, был создан “Временный Комитет для восстановления порядка и сношения с лицами и учреждениями” — февральский эмбрион Временного правительства. И как одновременно, вернее — несколько раньше, в одном из крыльев Таврического дворца, столь же самочинно возник “Совет рабочих и солдатских депутатов” — февральский эмбрион Октября.

Таврический дворец все больше заполнялся людьми с улицы. Два студента с саблями наголо привели министра юстиции Шеглова, арестованного по приказу вице-председателя Совета солдатских и рабочих депутатов — Керенского, бывшего в то же время и членом Временного Комитета.

“Наступил, очевидно, момент, — пишет Миллюков, когда надо на что-то решиться... Ставился сам собой на очередь вопрос о принятии Временным Комитетом функций власти. По возвращении Родзянко из Мариинского дворца мы решаемся поставить этот вопрос ребром. “Пора решаться”, — говорю я председателю Думы. Родзянко просит четверть часа на размышление и удаляется в свой кабинет. Тяжкие четверть часа! От решения Родзянко зависит слишком многое: быть может, зависит весь успех начатого дела. Вожди армий с ним в споре, — и через него с Государственной Думой. (Жизненный прифт, здесь и дальше — мой, разрядка Миллюкова. Н. С.) Комитет держится на фикции; а все, что левее, не имеет даже и этой тени санкции в глазах тех, от кого зависит исход борьбы...”

“Наконец, Родзянко выходит из кабинета и садится к столу. “Я согласен”, — говорит он. — “Но только”, — эти слова он произносит повышенным голосом и стараясь придать ему максимальную значительность: — “только под одним условием. Я т р е б у ю, — и это относится особенно к вам Александр Федорович (Керенский), чтобы все члены комитета безусловно и слепо подчинились моим распоряжениям!”

5. АПОФЕОЗ ИЗМЕНЫ И ГЛУПОСТИ.

Итак — свершилось! Временный Комитет, возглавляемый Родзянко, с Миллюковым одесную и Керенским ошую, а вместе с комитетом и вожди армий, забыв присягу и долг перед родиной, встали во главе кучки бунтующих солдат петербургского гарнизона.

Что бы ни вешали сегодня карповичи и вишняки, историческая правда заключается в том, что среди “народных избранников” не нашлось никого, кто осознал бы ту пропасть, в которую Временный Комитет и его явное и тайное возглавление толкали несчастную Россию; не нашлось ни одной разумной воли, которая попыталась бы удержать этих безумцев, желающих играть в русскую революцию по французским нотам, и кто обезглавил русское государство в роковой момент последних дней Мировой войны.

Настанет день, когда грядущая Россия, стяхнувшись с себя бесов революции, спросит деятелей бывшего “освободительного движения” и зачинателей февральского злодеяния:

Почему непрошенные освободители столь долго висели камнем на шее русского народа, всчески мешая его мирному развитию и прогрессу?

Почему в ответственные дни Февраля “народные избранники” не вспомнили Герцена и Жореса, чтобы понять, что

революция — “варварская форма прогресса?”

Почему Миллюков, вместо того, чтобы толкать недалекого Родзянко на измену и предательство и переживать “тягостные четверть часа”, не предложил ему обратиться к Государю с теми самыми словами, с которыми он (Миллюков) ровно через четыре дня обратился к вел. князю Михаилу Александровичу?

Почему вместо того, чтобы требовать от Государя отречения, ему не сказали этих, столь неожиданно разумных слов Миллюкова:

“Если вы откажетесь, Ваше Величество... будет гибель. Потому что Россия... Россия потеряет свою ось... Монарх — это ось. Единственная ось страны! Масса... русская масса... волею чего она соберется? Если вы откажетесь... Ваше Величество! Будет анархия! хаос, кровавое месиво! Монарх — это единственный центр... единственное в массах понятие о власти...” (Приведенная цитата заимствована из ст. Кусковой — “Люди февраля и октября”, “Нов. Русское Слово” 31. 3 1957 г.)

6. “РЫЖИЙ” ДЕЛАЕТ ИСТОРИЮ.

1917 год не был високосным. На второй день революции февраль, о котором так много и столь долго говорят и пишут, кончился — кончился и в прямом и в переносном смысле. 1-го марта 1917 года февральский эмбрион Октября — “Совет солдатских и рабочих депутатов” — издал известный приказ № 1, после которого армия перестала существовать. Временный Комитет думы и вожди армий повисли в воздухе, т. е. реальная власть над страной с этого момента перешла к людям Октября. Последние действовали не спеша и не мешали Временному Комитету и столь же временному правительству играть роль “рыжего” в цирке, пока за кулисами шли спешные приготовления к подлинному действию, которое не заставило себя долго ждать.

Говорить, что Февраль был обречен, — значит утверждать неправду.

Дело здесь не в обреченности, но в том, что Февраль родился на Божий свет, имея Октябрь в своем левом кармане. Благодаря этому, Февраль столь необходимо должен был перейти в Октябрь, как из эмбриона яйца неизбежно вылупляется змея, но не цыпленок.

Как самостоятельное явление, Февраль существовал исключительно в воображении думского Временного Комитета и Временного Правительства, и еще продолжает жить в фантазии его сегодняшних жалких защитников. Даже князь Львов, которого очень умные и жутко глубокомысленные обвиняют в бездарности, оказался прозорливее. Он прекрасно понимал, что Временное Правительство — правительство марионеток, которые будут убраны со сцены, как только в них минует необходимость. Играть роль “рыжего” этот подлинный русский барин не пожелал.

Наконец, последняя историческая правда заключается в том, что люди Февраля и люди Октября — одни и те же люди. Никакое “и” их никогда не разделяло и не разделяет. Они не только “могли бы быть братьями” в истязании России и русского народа, как недавно робко просительно пролепетала старушка Кускова (см. “Нов. Рус. Слово” за 14 апреля 1957 г.), но они всегда были и есть дети одного отца. Сегодня русские люди имеют все основания утверждать, что если бы не было Октября и власть над русским народом досталась эсерам, победившим на выборах в Учредительное Собрание, то был бы не Октябрь, а Ноябрь, т. е. нечто значительно более злое и более гнусное, чем все то, что творилось и творится в России за последние 40 лет.

Только очень наивные люди способны сегодня поверить, а бесчестные — утверждать, что окровавленные руки палачей от революции могли бы создать счастье и благополучие русского народа и в какой-то мере осуществить высокие идеалы человечества.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Канн в роли благодетеля человечества — таков жуткий смысл философии бесов русской революции. Бесов, зародившихся — к горю русского народа — на гнилых чухонских болотах Санкт-Петербургской Империи и ныне — к великому счастью грядущей России — беславно догнивающих: частично — в эмиграции, частично — в Кремле, на высоких ступенях нерушимого трона московских государей.

Николай Сарафанов

Михаил Бойков

Живые лозунги

Готовясь к празднованию 40-й годовщины Октябрьской революции в России, коммунистическая партия СССР не жалеет ни бумаги, ни типографской краски. Миллионными тиражами выпускаются газеты, журналы, книги, брошюры и листовки, восхваляющие и прославляющие “великий Октябрь” и коммунизм. На всю эту макулатуру тратятся миллионы народных рублей.

Крупнейшим произведением партийной коммунистической литературы в Советском Союзе сейчас являются “Лозунги ЦК КПСС к 40-й годовщине великой Октябрьской социалистической революции”. Всего их 81. 12 октября они были переданы по радио и опубликованы во всех главных советских газетах, а теперь издаются отдельными брошюрами на русском, украинском, белорусском, грузинском, армянском и других языках (в том числе и на иностранных).

Эти лозунги представляют собой крикливо-живую смесь самовосхвалений, обещаний, приветствий и призывов строить коммунизм. Курьезно звучит лозунг ЦК КПСС:

“Да здравствует коммунистическая партия Советского Союза!”

В вольном переводе с коммунистического языка на русский это звучало бы несколько иначе:

“Ай, да мы! Спасибо нам!”

Далее партийному восхвалению подвергаются (именно — подвергаются) “рабочий класс”, “колхозное крестьянство”, “интеллигенты СССР”, которым дано название “строителей первого в мире социалистического государства”. В этом же лозунге есть такая фраза:

“Построение социализма в СССР — главный итог Октябрьской революции”.

Определение не совсем точное. Пока что в Советском Союзе “построен” государственный капитализм с варварскими методами эксплуатации трудящихся и сотнями концлагерей принудительного труда.

В одном из лозунгов говорится:

“Да здравствуют советские женщины, активные строители коммунизма!”

Спросит бы этих женщин, потерявших отцов и мужей, сыновей и дочерей, братьев и сестер, на фронтах войны, в концлагерях, голодных колхозах и партийных чистках:

— Нужен ли вам коммунизм? Хотите ли вы его активно строить?

Не менее лжив и такой лозунг:

“Да здравствует и крепнет великое дружественное сотрудничество народов стран социалистического лагеря”.

И это писано и печатано после того, как силой советского оружия были подавлены народные восстания в Восточной Германии, Польше, Венгрии и Китае.

В одном из своих лозунгов ЦК КПСС обращается к трудящимся всех стран:

“Войну можно и должно избегать.”

Все на борьбу против опасности новой войны, за мир и сотрудничество между народами!”

Лозунг этот, конечно, мирный, но как его связать с некоторыми угрожающими выступлениями Хрущева и Булганина? Вель не так давно они грозили восточной бомбой Англии и Франции, атомным оружием — Западной Германии, Бельгии, Голландии и другим странам. Теперь Хрущев угрожает агрессией Турции. В беседе с Рестоном специальным корреспондентом газеты “Нью-Йорк Таймс”, 11 октября он, грубо обвиняя Государственного секретаря Соединенных Штатов Джона Ф. Даллеса в подстрекательстве Турции к нападению на Сирию, заявил:

“Если Турция начнет военные действия против Сирии, это может иметь очень тяжелые последствия, в особенности для самой Турции. Это может зажечь большой пожар войны.. Если возникнет война, мы окажемся ближе к Турции, чем вы. Когда пушки начнут стрелять, то ракеты смогут начать летать и тогда уже будет поздно думать об этом...” Рядом с таким выступлением первого секретаря ЦК КПСС Хрущева совсем нелепо выглядит в советских газетах лозунг возглавляемой им партийной организации:

“Да здравствует внешняя ленинская (а Сталина опять забывают.

*) Ген. Алексеев очень скоро понял свою февральскую ошибку и, испугавшись великий грех нарушения присяги, уже в декабре 1917 г. в Ростове на Дону принял участие в организации Белой Армии.

И. Владимиров

Печальники Земли Русской

Всем известно кому по достоинству уделен этот почетный титул, стоящий в заголовке данной статьи. Ими, печальниками земли русской, конечно, не являются эмигранты, выстрадавшие со- рокалетнее издевательство над Родиной и так отчетливо выражающие отвращение к причине породившей это издевательство над Россией — к революции 1917 г. Ими еще меньше, повидимому, являются те русские, которые хранят в своем сердце подлинную и святую печаль о Царственных жертвах Екатеринбургской трагедии и их верных слугах; также не те, коим судьба уделила совершить героические подвиги ради спасения Родины в рядах Белых армий, — не они, запечатлевшие боль за Россию своей кровью, бесчисленными ранениями и нынешним тяжелым прозябанием в изгнании, удостоены имени печальников земли русской. О нет! вы ошибаетесь, если думаете обратное, вас не пустят на порог ни одного демократического клуба или заседания, если вы попытаетесь отстаивать за перечисленными категориями русской эмиграции право именовать себя так. Вас просто засмеют, вам поставят в упрек вашу прежнюю отсталость и, снисходительно похлопав вас по плечу, вам объяснят, что разумный и просвещенный демократ под словами печальники и земли Русской понимает тех вдохновенных борцов против самодержавия, которые устно и письменно клеймили его самыми последними словами, а сплошь и рядом приводили слова в действие, динамитом или браунингом, отправляя или пытаясь отправить на тот свет полицейских, градоначальников, министров и... Русских царей! Как, вы этого еще не знали? Ведь вот они-то и зовутся печальниками за судьбы российских граждан, за поруганный, мол, в Царской России прогресс, борцами за невыразимо прекрасный идеал райских свобод, пусть и неосуществившийся, но такой притягательный, так извняющий всякое даже запретное действие, — ведь, как нархоз, пьяный идеал свободы всех этих славных особ обоего пола, так что они, право, не в силах были отказать себе в удовольствии расстреливать русских министров, как на гуляньи подвыпивший мастерской радостливости, как, чучела ворон.

М. Б.) политика СССР, политика мирного сосуществования стран с разными социальными режимами, политика сохранения и укрепления мира, развития экономических и культурных отношений со всеми странами!

Этой фразе явно не хватает нескольких слов о советских шпионах и саботажниках в разных странах.

Очень щедр ЦК КПСС в своих лозунгах на приветствия. В них перечисляются почти все народы мира, коммунистические партии разных стран, упоминаются "прогрессивные миролюбивые силы федеративной республики Германии", а социалисты настойчиво приглашают к сотрудничеству с коммунистами:

"Пусть расширяется сотрудничество коммунистов, социалистов и всех прогрессивных сил в борьбе за мир, за демократию и независимость всех народов!"

Приветствуя коммунистические партии всех стран, ЦК КПСС называет их "авангардом рабочего класса и всех трудящихся". Название явно не точное. Точнее было бы назвать их красными западными языками на болящем коммунизмом земном шаре.

Остальные лозунги, в большинстве своем, состоят из обычного коммунистического хвастовства советскими "достижениями" и обещаний (в который уж раз! М. Б.) "в ближайшие годы догнать и перегнать" Америку. Из каждой строки этой партийной писанины так и полетит ложь, жестокость и всеобщий гангстеризм.

Заканчивается писанина мрачным коммунистическим предсказанием:

"Да здравствует коммунизм, лучезарное будущее всего человечества!"

Избави нас Бог от такой "лучезарности".

Михаил Бойков

И если вы попытаетесь возразить, что притяжение к такому наркозу, пусть хотя бы и самого возвышенного порядка, все же не дает права наркоману расправляться с окружающими его направо и налево, как ему вздумается, что для возвышенной цели есть более нравственный путь ее осуществления, то вам ответят, что помимо светлых идей, которыми-де были одухотворены эти лоботрясы-бомбометатели, ими руководило сплошь и рядом неожиданно вызванное чувство гнева, состояние "аффекта", с которым бороться было никак не под силу горячему и честному молодому сердцу. И, как на классический пример такого состояния невменяемости, когда разгоряченная страсть превышает рассудок, вам укажут на выстрел Веры Засулич в градоначальника Трепова. О, да! тут уж никак нельзя сомневаться, что террористка Засулич была и "печальницей" за наши русские судьбы (теперь эмигрантские!) и извинима вполне за свой непродуманный, но столь понятный по душевному волнению жест. Однако, по старой реакционной привычке, которой, кстати сказать, докучал нас и наш старорежимный суд, попробуем все-таки выслушать мнение не только "за", но и "против", т. е. наше собственное эмигрантское мнение. Нужно полагать, что эта привычка судить о вещах с двух сторон безусловно реакционная, раз она была неотъемлемым атрибутом прежнего нашего суда, а ведь, как известно, до "великой и бескровной" России прозябала во тьме невежества и реакции.

Поэтому, хотя и с опаской прослать еще раз за отсталых ретроградов, приверженцев мрачной царской юстиции, представим себе право возразить тем просветителям наших отсталых мозгов, тем попечителям нашим и печальникам, которые еще до сих пор распыляются пред гробницами лиц, низвергавших Россию постепенно и верно в пучину моря марксистского. Итак, вспомним чем же был вызван аффект Веры Засулич, которая не смогла найти в себе сил, чтобы удержаться от спуска курка своего пистолета "бульдога". И был ли на самом деле аффект?

Причиной ее крайнего раздражения являлась, оказывается, порка одного революционера, некоего Боголюбова, проявившего наглое обращение в разговоре с градоначальниками Треповым, которым и был отдан приказ применить к нему оболтусу "розги". Не будем вдаваться в рассуждение имел ли Трепов достаточное юридическое основание к такого сорта репрессивной мере или не имел. Будем считать с фактом: официальный представитель власти, каким был генерал Трепов, за проявленную к нему дерзость отдает приказ выпороть грубияна и не нужно забывать не первого встречного на улице грубияна, а человека, именно уже потрудившегося на поприще "потрясения основ", т. е. на поприще нашего будущего развала Российского. И в данном случае целесообразность меры Трепова, во всех остальных случаях могущая быть оспариваемой, безусловно становится более доступной нашему пониманию, как мера по отношению к субъекту, уже выполняющему своей предшествующей деятельностью наше негодование. Своего рода аффект со стороны градоначальника Трепова тоже ведь может быть объясним. И вот девица Вера Засулич берет на себя благородную роль Немезиды — богини мщения. За пощечину, по заслугам полученную Боголюбовым, она решает отплатить проломом черепа — за пучек розог стальной револьверной пулей, которая не отняла жизни у Трепова лишь по причине железного его злорочья. Запальчивость и раздражение? Невменяемость преступления по причине аффекта? О, перел судом тогдашних присяжных (это было в 1878 г.) много прошло красивых фраз в речи ее адвоката и в напутственном слове прощальном ее адвоката на суде А. Ф. Кони, блестящего юриста, но несомненно допустившего в своем резюме некоторые соображения, не вяжущиеся с требуемой от председателя беспристрастностью, склонявшие мнение присяжных заседателей скорее в сторону защиты, — чем и вызван был полностью оправдательный вердикт, повергший одну часть русского общества

в полное недоумение и тревогу, другую, ту самую, которая была преисполнена печали за "безысходную долюшку русскую" — в восторг, доходивший до паразизма и даже до кровавых столкновений с полицией, чему уж никак нельзя найти оправдания, раз приговор был вынесен "нет, не виновна".*) Что было бы в обратном случае, если бы приговор был хотя чуточку обвинительным? Как бы там ни было, но по до сих пор установившемуся во всех законодательствах мира мнению, под состоянием аффекта понимается неожиданное проявившийся гнев, когда человек еще за пять минут перед этим не предполагал возможность совершения им своего преступного акта. Ничего подобного в деле В. Засулич не было. Револьвер был ею приобретен заранее, намеренно малых размеров, чтобы не торчал заметно в кармане, так называемого типа "бульдога", сильной боеиспособности. Кроме того встреча с ген. Треповым была задолго предусмотрена и выхлопотана со всеми необходимыми предварительными формальностями, а стрельба "не отдававшая отчета в своих действиях Верочка" прямо в упор, на ближайшем расстоянии, так что об одном только желании напугать или поранить и речи быть не может, как не может быть речи и о состоянии аффекта.

Это подтверждается и тогдашними революционными стихоплетами, сложившими в честь своей героини многочисленные вирши, из которых удержим краткое, но откровенное двустишие:

"Жест продуманный, смелый, жест де- вы молодой
Всех рабов призывает подняться на бой".

В скрипялах демократической догматики преступление Засулич (а не попытка лишь) занесено, как почвиг, приоткрывший врата в невыразимо прекрасное будущее. Догматики, мастера по изготовке скрипялей и просто пошибленные дунатники дружной ордой скрипели перьями и охрипшими голосами вбивали в мозги одуряченной нации, что русский суд, наконец, вступает на дорогу законности, каковой, очевидно, до сих пор он не проявлял, несмотря на то, что эпоха судебных преобразований и подлинно гуманных реформ Императора Александра II-го уже насчитывала более дюжины лет. А столичная пресса как свидетельствует в своих воспоминаниях председатель суда на процессе Засулич, вся, за исключением Суворова-ского "Нового Времени", была если не открыта на стороне взбалмошной теплотности, то во всяком случае, мило симпатизировала этой печальнице горемычной России, этой вспыльчивой идеалистки со спрятанным "бульдогом" в кармане. Приоткрытая ею дверь в неописуемо заманчивую эту преступлению без наказания не замедлила вскоре еще шире раскрыться. "Теперь все можно". — сказал себе нигилист, наш освободитель от вековой российской печали! Не прошло и трех лет со дня оправдания Веры Засулич, как страшная весть объяла нашу Родину — весть о кошмарном убийстве Царя-Освободителя, подлинного освободителя русского крестьянства, — мы это должны твердо помнить, — ибо перед Его жертвенной самоотверженной ролью все эти участники преступления — Перовская Желябов и проч., нагло присваивавшие себе имя освободителей, являют, на самом деле, пример лишь безграничной тупой самовлюбленности и уверенности в своем умственном превосходстве, закрывавшим им глаза на все бесчестие совершаемого.

И, вот, по родным Российским просторам, под сенью блиставших позолотой куполов православных церквей, как новая татарская рать распозлалась толпа разрушителей русского имперского дома. Угрюмые тени выскальзывали из всех подворотен и подпольев, из всех затхлых дыр повысовывались скорпионы агитации, провокации и модной в 1905-м году экспроприации — сиречь грабежа среди бела дня, узаконенного скрипялями революции. И мирную жизнь нарушая стрельбой, всел в Родную Засулич полезли в атаку нестройной гурьбой Вера Фигнер, Кибальчич, Чечаев, всякие Геси Хельфман, Калаяны, Суры, Капы, Гершуни, Эфрули, Бриллианты, Богровы — все имена, ничтожного, право, ума, но больших огнестрельных талантов. Всех их объято

*) А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич. Стр. 568. Москва. 1956 г.

разгулье бунтарское, всем наделила Россия их Царская: всех одевала, кормила, уютом одеяла, — жало змеиное в сердце взлелеяла...

Не сумев во время уберечь русский клад, лежавший пред нами во образе Царского строя, не сумев отгородить от России прочным тюремным засовом всех ее попечителей и плакальщиц с огнестрельным оружием, мы хотя бы теперь должны, наконец, подумать о том, как оберечь нашу Родину, в случае ее освобождения, как получше и крепче захлопнуть двери пред теми, кто еще осмеливается выступать на ролях первых заступников и печальников, в переводе на откровенный язык — новых могильщиков Родины.

Все это "дела давно минувших дней", скажет иной читатель, дела вдобавок мало славные, стоит ли беречь наболевшие раны, переживать вновь, что уже пережито и позабыто. Стоит, дорогой читатель, право стоит. Если бы наши бывшие просветители и печальники окончательно исчезли с лица земли, оставив нам одних большевиков для законной расправы, после свержения которых Россия снова бы вышла чистой из горнила страданий и никем не угрожаемой, тогда можно бы не калечить наше драгоценное эмигрантское прозябание ненужными воспоминаниями и согласиться, что все эти Засуличи, Желябовы, Перовские и Кибальчичи не заслуживают и капли внимания. Но дело в том, что Кибальчичи и Засуличи оставили после себя сынов, учеников и отпрысков своего океанного поколения. Эти ученики и поклонники прошлых методов печалования о Земле Русской попрежнему стоят на враждебных царскому строю постах, попрежнему нацеливаются в его сторону, если не пистолетом, то остриями хорошо оплаченных перьев, попрежнему представляют нас, монархистов, в лучшем случае ротозеями, а то и просто какими-то вампирами, только и мечтающим надеть освободительной России ярмо бесправия и варварства. Посмотрите, что пописывают иногда наши эмигрантские профессора, кстати сказать, обязанные своими дипломами и своим знанием не демократической эпохе Керенского, а Императорским Университетам. Один из таких благодетельствованных Царским просвещением, но неблагодарный до непристойности муж вещает на страницах эмигрантской печати следующее мудрое соображение. Он рекомендует нам, монархистам, опираться в нашем мировоззрении ни больше, ни меньше как на... Абиссинию, где, мол, еще уцелела самодержавная монархия. Есть ли предел наглости в подобных высказываниях? Оказывается русские монархисты начиная с Достоевского через братьев Сувориных, премьера Столыпина и до И. Л. Солоневича, а также многие и многие другие — всего лишь эфиопы, или нечто к ним весьма близкое. Раз нам, последователям русского монархического мировоззрения и идейным наследникам этих перечисленных крупных русских мозгов, уделяется в качестве последнего умственного пристанища лишь Эфиопия! "Предел есть хитрости, уму, лишь нету глупости предела", — сказал А. С. Пушкин. И если иногда обмолвка простительна беспечной юности, то можно ли извинить легкомыслие сих старцев, сединою убранных и жизненною прозой как никак, наверно, умудренных; можно ли допустить, чтобы Монархия вновь, как и прежде, клеймилась самыми последними словами? Вот почему мы и обязаны быть зогкими. Наши печальники о судьбах нашей Родины полагали, что клевета на Монархию и подбывая ее усточ, они готовят нам рай и сами попадают на небо, но они попадали "только в лужу, в которой это небо для них отражалось", как сказал некто еще до революции.

Вот почему не бесполезно иногда вспомнить о том, что творили в прошлом все наши сеятели, учителя и печальники, перед чем склоняются до сих пор их незадачливые и запоздалые партнеры, но перел чем не должны склоняться мы, действительно, страдающие за Родину и искренне желающие раз навсегда освободить ее от подлинно неизбывной печати, которую Россия познала с февраля 1917-го года.

И. Владимиров

Контора газеты "Наша Страна" очень просит г.г. подписчиков, имеющих возможность внести подписную плату за полгода или за год вперед, сделать это незамедлительно.

А. Батыев

Россия сквозь тюремную решетку

(О КНИГЕ Н. Н. КРАСНОВА-МЛАДШЕГО "НЕЗАБЫВАЕМОЕ")

Книга Н. Н. Краснова младшего должна быть прочтена каждым русским человеком, как редкое в наши дни по искренности и правдивости произведение, изображающее современную Россию, именно Россию, а не СССР.

Как это ни странно, книга эта была рождена в СССР, на советской каторге в муках и страданиях, переносимых автором в течение 10 с лишком лет. Там, в этих нечеловеческих условиях, она возникла в раненой душе несчастного заключенного, прожившего всю свою молодую жизнь и воспитанного (с 2-летнего возраста до 27 лет) в эмиграции и никогда не видавшего своей родины сознательными глазами, но полюбившего ее под воздействием привитых ему с детства чувствований своей Отчизны и веры в свой родной народ.

Русская судьба жестока и сурова, она находит каждого, кто достоин священного звания русского человека, всюду, где бы он ни находился, даже в обстановке тепличного эмигрантского патриотизма. Когда настал час общенародных российских испытаний, его "глагол" прозвучал не только над самой Россией, перекрашенной грубыми малярами, разделяющими огромную страну под красный ужас Карла Маркса в злое звание мертвых знаков "С.С.С.Р.", но и ударил, как набат, над головой каждого эмигранта.

И русский эмигрант, несмотря на относительное благополучие, в котором он влачил свое мирное существование в отдельных государствах Зап. Европы, избрал добровольный крест борьбы за освобождение России от Сталина и ГПУ. Это был двойной крест, потому что русскому эмигранту пришлось взвалить его на свои плечи в армии исконного врага России — Германии, а не в своей родной среде, не в России, которая сама находилась в плену у совершенно осатанелого врага ее, выученика Маркса и его изуверов, которые, ведя войну с Германией Гитлера, защищали грандиозную каторгу социализма СССР и цепи, надетые на русский народ. Эта железная страна, вечно борющаяся с славянством, на сей раз шла на Россию, чтобы разбить прежде всего страшную клетку сатанинской власти, а разгром этой клетки окровавленной кровью ее детей, вел к освобождению всего русского народа от социалистической тирании; и русскому патриоту казалось, (он верил в это), что это только первый шаг к полной свободе России и возвращению ее на ее исконные исторические пути, которые были насильственно оборваны в 1917 году силою Рока. Поэтому русский эмигрант пошел в немецкую армию и стал ее пособником, "в надежде славы и добра".

Так возникли различные военные организации в Югославии, Германии и в оккупированных немцами областях Европейской России. Русский Корпус в Сербии, Казачьи Объединения в Германии и завоеванной немцами России, Р. О. А. ген. Власова и другие русские воинские части, рассеянные по всей Европе, привлекали, притягивали к себе миллионы русских людей самого различного происхождения.

К их числу принадлежат и автор рецензируемой нами книги "Незабываемое". Патристическая жертвенность молодого Н. Н. Краснова привела его по крайне тернистому трагическому пути к России, но не к России освобожденной, а к России окончательно покоренной Ком Интернационалом. Но мало было этой насмешки Рока, гоголевой путь его завершил ся венцом самых невыносимых бедствий, советской тюрьмой и 10-летней каторгой.

Его книга — плод этого ужасного испытания, но, к счастью нашему и всего российского мира, книга его, свидетельствующая о трагедии, как его личной, так и трагедии миллионов его соотечественников, прошла чудесный путь спасения: она возникла в мозгу молодого человека, которым был Н. Н. Краснов младший непосредственно вслед за вступлением его в это царство живых теней, она медленно создавалась там, наполняясь плотью и кровью своего соотечественника, она вынашивается в душе раненого навсегда и носящего в себе незажи-

вающую, постоянно сочащуюся кровью рану автора, она, наконец, занесена на бумагу, написана для нас, читателей, немедленно после того, как автор был освобожден и очутился за границей в условиях, в которых позволено было безнаказанно писать и обнародовать это произведение.

И, как ни печальна судьба автора, судьба его творения сопровождалась по меньшей мере удачей, редко выпадавшей на долю эмигрантского русского писателя.

В книге "Незабываемое" приводятся факты и наблюдения, в ней нет никакой преднамеренности пропаганды, несмотря на то, что автор имеет и основание и право, моральное прежде всего право, не только ненавидеть, но и проклинать тех представителей западной демократии, которые, подобно майору английского генерального штаба Дэвису, вели тысячи ничем не запятанных русских генералов и офицеров на пытки СМЕРШ-а. Такие имена действительно не должны быть забыты, им место на черной доске русского освободительного движения рядом с главными деятелями Лубянки.

Однако, автор далек от каких-либо призывов к мести, это низменное чувство не чуждо, оно ведь находится в противоречии и с русской народной традицией, которая завещала нам не только миловать побежденных, но и прощать палачам и молиться за них перед Богом. Это — тоже незабываемое.

Никому, может быть, не дано было так возгореться мрачным чувством злобы к предателям-англичанам и их пособникам, как Краснову Николаю младшему, ведь он прежде всего потерял в советском концлагере родного отца Н. Н. Краснова старшего, он пережил насильственную смерть-казнь любимого деда знаменитого Атамана генерала П. Н. Краснова, талантливейшего писателя Зарубежья, вместе с которым был казнен и другой дед автора С. Н. Краснов. Наконец, сам он выстрадал свою кошмарную каторгу, описанную им без малейшего усиления и тем более без сгущения красок. Ведь, все это жертвы двух молодых демократического и коммунистического, в которых, тогда как у мифического Януса, было одно общее туловище и два лица на одной и той же голове, в соответствии с чем и действия их совершались по одному и тому же плану, одинаково бесчеловечно, коварно и до крайности мерзко.

Показав нам предательство Запада, Ч. Н. Краснов младший вводит нас во внутренний мир советских заключенных. Мир концлагерей, где, в конце концов, очутился автор, это совершенно отдельный от всего СССР мир, это остров мертвых, хотя и движущихся по принуждению действующих живых течей поскостороннего ада, который страшнее Ада Данте: это монолит чуждого гогя и страдания, никогда не останавливающегося, вечно вращающегося на своем колесе пыток, это вечный источник истощаемых из десятков миллионов людей стон, который скрыт от глаза и уха своих соотечественников и который затерян где-то на краю света в Полярного кружка, в глухих местах сибирских пустынь и песчаных пространствах.

Автор впервые встретился с русским народом в этом мире мертвых среди гонимых, казнимых ежеминутно несчастных и там он получил свои необычайные впечатления о русском народе, о судьбе своей родины, о страданиях и чувствованиях, о представлениях и размышлениях этого обреченного на гибель люда, и там он накапливал свои наблюдения, нанизывая их одно на другое, слагал из них нечто целое, обобщал, строил цельную картину современной жизни во всей стране, закрытой от его непосредственного взора и недоступной для него, как потусторонний мир, рассматривая эту загадочную необозримую область подневольной жизни, подобно астроному, наблюдающему течение звездных туманностей в телескоп.

И он понял, что он живет не в СССР, а в России, ибо Россия сегодня — это

концлагерь, концентрированное сгущенное в боли и муках бытие русского народа, приговоренного цинично и нагло к социализму, т. е. к пожизненной каторге, к несению своего векового Креста.

Когда-то Достоевский рассказывал о том, что покидая Мертвый Дом, он расстался с целым осколком русского народа, перешедшего за грань закона и за то наказанного, представлявшего, по его мнению, может быть, наиболее талантливую часть всего населения России.

Тютчев в проникновенных символах изобразил свою родину, как священное место долготерпения, которое исходил Христос, изнуряемый Своєю Крестною ношей, благословляя край русского народа.

Не благословил ли бы Богочеловек и страждущую родину нашу сегодня, и не прошел ли бы Он со Своим Крестом на плечах по необъятному краю лагерей, воздвигнутых сатанинской властью приспешников зла, изобретших новые мучительства под знаком социализма.

Н. Н. Краснов младший дал трогательное изображение русских страдальцев, населяющих этот "край долготерпенья".

Нам могут возразить, каким же образом мог заключенный в лагере и сам находящийся под властью репрессий, познавать дух народа, когда он сидел за проволокой и ни разу не сталкивался лицом к лицу с основным населением СССР, которое внешне, по крайней мере, находится на свободе.

Но автор отмеченной книги наблюдал непосредственно тысячи лиц, принесших в концлагерь общероссийское ярмо социализма, он не только разговаривал с ними, он знакомился с их душевным миром, с их впечатлениями, и переживая ими, с вынесенным ими "с воли" царившим там страданием, которое по своему внутреннему смыслу мало чем отличалось от страдания заключенных. По страданию и по напечатленным на свежих лицах следам его он изучал Россию. Ибо Россия — одна, она задавлена прессом СССР, она прикрыта маской, надетой на нее дьявольской властью, но под маской скрывается подлинное лицо страдания, и это лицо обнажалось в тюрьме и в концлагере.

Если в Америке "экспертами по русскому вопросу" являются лица социалистической принадлежности, которые заварив революционную кашу в России, трусливо бежали отсюда почти 40 лет тому назад, то не вправе ли мы сказать, что эти господа имеют о современном населении СССР такое же представление, как и о жителях Марса и Венеры.

Но всякий разумный человек, стоящий на почве реальности в познании населения чужих стран, скажет, что в сведениях, сообщаемых Н. Н. Красновым, еще 2 года тому назад жившим в советском концлагере, в миллион раз больше истины, чем во всех претенциозных самоуверенных заключениях американских экспертов.

Н. Н. Краснов младший видел Россию сквозь каплю слезы. Этих слез проливались реки, прорезывающие всю Сибирь, всю Россию. Пусть это будет тусклое стекло каторжанского телескопа, но оно давало возможность непосредственного заглядывания в тайны за Железным Занавесом, в душу русского народа.

Почему, в самом деле, всем левым фронтом разрешено было великому Гоголю видеть из своего "прекрасного далека" тех уродов, которых он начертал в виде Собакевичей, Коробочек, Плюшкиных, Чичиковых и прочих персонажей "Мертвых Душ", может быть, этих карикатурных типов никогда в реальности и не существовало, и Гоголю просто приснились в Риме кошмары из русской жизни, это сознание впоследствии мучило и самого Гоголя, и он недаром называл это свое произведение "грязным дворянством", и кто знает, не заколтых ли автора "Мертвых Душ" его собственные хищеры, от рук которых он пал, подобно философу Хоме Бруту, казненному в храме Божиим сонмом нечистой силы.

И почему г. Краснову, — я не сравниваю его с Гоголем, как писателя, — нельзя видеть Россию не "из прекрасного далека", а из непотребного места социалистических концлагерей, из бездны которых он увидел загорающиеся в душе русского человека проблески Свободы?

А Л Ь Б О М

ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ

Как известно, в конце 1956 года была учреждена "КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ", предназначенная для расширения монархической работы. Взносы в эту КАЗНУ дают известные средства, недостаточные, однако, для необходимой интенсивной деятельности. Его Императорское Высочество полагает, что одним из источников средств для пополнения КАЗНЫ является продажа

А Л Ь Б О М А Ф О Т О Г Р А Ф И Й иллюстрирующих переход старшинства Дома Романовых в линию Деда Великого Князя Владимира Кирилловича — Великого Князя Владимира Александровича.

Альбом, содержит 120 редких фотографий Императорской Фамилии — от Императора Александра II до Великой Княжны Марии Владимировны включительно, как и многих иностранных родственников Их Высочества. Имеется подробная родословная таблица. Пояснительные надписи под фотографиями сделаны по-русски, но, кроме того, есть оглавление (со ссылкой на номера фотографий) на четырех языках: французском, английском, немецком и испанском, ввиду чего альбом может заинтересовать и иностранцев.

Цена АЛ Ь Б О М А установлена в 5 долларов, а в особом переплете — с посвящением и собственноручными подписями Великого Князя и Великой Княгини — в 100 долларов за экземпляр.

З а к а з ы направлять В. К. Дубловскому, по адресу Редакции "Нашей Страны", указанному в заголовке газеты, а равно и всем представителям газеты на местах.

Для Аргентины и стран Южной Америки с низкой валютой ЦЕНА АЛ Ь Б О М А — 160 арг. песо.

РУССКИЕ ЛЮДИ! Способствуйте сбору средств в КАЗНУ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ! Примите участие в распространении АЛ Ь Б О М А! Заинтересуйте им ваших друзей иностранцев! Каждый проданный альбом увеличивает в возможности ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ в той Его деятельности, которую Он рассматривает, как ЕГО СЛУЖЕНИЕ РОДИНЕ!

В книге г. Краснова высказано немало тонких наблюдений над страшной действительностью советской каторги, в которой, на дыбе и в пытках живет настоящая подлинная Россия.

Эта мучающаяся, задыхающаяся в живом аду социализма Россия еще существует, она не умерла даже под пулями, прострелившими ее душу, она только тяжело ранена, она, опираясь на свои костыли, силится встать и выйти из своего заточения. Она уже начинает вести разговор с потусторонним миром и посылает вестников оттуда, призванных проговорить это давно ожидаемое слово обета о том, что она воскреснет.

И это слово уже сказано автором книги "Незабываемое", оно произнесено безыскусно, без малейшей намеренной тенденции, без какой либо фальши.

Весь тон книги искренний, правдивый, пронизанный какой-то внутренней теплотой, редко встречающейся в описаниях советской каторги, в ней нет ни желчи, ни злобы, ни навороченной фантазии, направленной к возбуждению нездорового любопытства у пресыщенного читателя.

Книга в общем написана талантливо, за исключением вводной сцены, должествующей ударить по нервам представителей того сорта читателей, которых для вящего эффекта надо бить дубиной по голове, что бы вызвать у них интерес к чтению и какую-нибудь реакцию. Эти странички, при всей их реальной правдивости, отдают фальшью в литературном отношении. На сей раз вкус изменил автору, но ведь он писал книгу наспех, к тому же он не профессиональный литератор. Тем не менее вся книга представляет собою очень удачное произведение, чрезвычайно убедительное, благородное, чистое. За это благодарим Н. Н. Краснова младшего, достойного внука своего знаменитого деда генерала П. Н. Краснова, завещавшего ему написать правдивое слово о России.

А. Батыев

Н. Кусаков

„ОЛЬДЕНБУРГ“

Когда настанет время свободной жизни в России, то придется слышать такой разговор:

- Вы читали Ольденбурга?
- Нет, не пришлось...
- Ну, батенька мой, так вы вообще ничего не читали! Чего же вы беретесь судить!

Чем дальше в перспективу истории уходят годы, тем яснее становится, что какой-то эпизод, казавшийся его современникам — событием причинным и эпохальным, на самом деле есть лишь веха на пути длительной исторической борьбы. Таковы и события нашей современности, хотя бы она и являла собою некий страшный девятый вал, способный сокрушить корабль культуры человечества всего мира. В то же время, по мере удаления в историческую перспективу частного события, выясняется глубокая значимость исторического фона, той канвы, на которой только и мог разыграться этот эпизод. Не зная этой канвы, этого исторического фона, невозможно правильно реагировать и на самый эпизод, добываясь необходимого реванша.

За годы долгой истории русской патриотической эмиграции было испытано множество средств борьбы с большевизмом. Как бы бесплодны они ни были, все они есть дело чести русской эмиграции. Она не сложила оружия! Но обстоятельства показывают, что борьба должна охватывать более глубокие области дела. Борьба должна идти в глубину, в сознание того фона, на котором новое действие борьбы способно было бы дать нужный результат. Конечно, надо пытаться вести пропаганду "на ту сторону", надо толкаться в закрытые двери иностранного общественного мнения и, тем более, в закрытые двери кабинетов ключевых постов. Надо помнить о мобилизации наших сил и о подготовке их. Но это все же есть внешнее.

Наша борьба не есть только борьба против большевизма. Она есть борьба за Россию, хотя бы дело свержения большевизма и являлось сегодня неизбежно первостепенным частным. Борьба должна проникать в те области, которые были еще затронуты задолго до торжества революции, она должна устремляться к пружине часов, о которой упоминает митр. Анастасий в своей статье о русской революции, а не ограничиваться стрелками.

Надо учиться! Вель мы не начинаем борьбу. Мы продолжаем нашу борьбу за Россию. Продолжаем ту борьбу, в которой мы, в уходящем поколении, проигрывали капитальную, решающую битву. Прошлое надо знать!

Акт свержения власти большевиков, когда ему суждено будет совершиться, еще не будет означать победы России. Он будет лишь вехой на длительном пути борьбы за торжество нашей Родины в ее духовно-культурном и благоденственном великолепии... на славу нам, на страх врагам, на благо миру.

В этой борьбе играют свою роль и материальные интересы, и идейные течения, и человеческие страсти, из которых в странном противоречии стоят две наиболее значительные: любовь, обязывающая к исполнению долга, и гордость, порождающая стремление к власти. Бросить луч света на течение событий этой борьбы, осветить исторический фон с возможной ясностью — есть акт борьбы за Россию, и значимость его тем больше, чем очевиднее бесплодность попыток прямой борьбы, которая в какие-то моменты, подобно миражу в пустыне, принимает якобы

конкретные формы и обязывающие очертания.

В отношении этой теоретической и исторической глубинной борьбы русская эмиграция сделала чрезвычайно много. За истекшие годы написано много показаний очевидцев, мемуаров, извлечено на свет много документов. Пусть в ряде мемуаров и впечатлений очевидцев есть личное, есть ошибки памяти, есть иной раз и прямая ложь — значение этой литературы огромно. Она выясняет общий исторический фон, определяет истинное направление штормового ветра, выводя за скобки частные впечатления пешехода, попавшего в порыв, ударивший его из-за угла здания. Но самый объем этой литературы, число названий и разбросанность книг не дают возможности охватить ее. Поэтому, сведение всего написанного в единую картину, привлечение фактов недавнего прошлого, анализ показаний в перекрестном свете отдельных лучей и вписание этих данных в фактическую картину дает возможность видеть с неоспоримой ясностью и что произошло, и как произошло, и почему произошло. И составление такой картины, выяснение этой правды, постановка ее, — является актом борьбы за Россию, актом более значительным, нежели многие съезды, декларации и организации новых и новых союзов.

Поэтому мы считаем долгом отдать честь тем русским патриотам, которые, углубившись в кабинеты, "затеплили свою лампаду и пыль веков от хартий отряхнув", переписали правдивые скандалы о недавнем прошлом нашей Родины.

Мало какой период истории России был столь богат событиями, как годы последнего царствования. Мало какой период нашей истории так неизвестен, так запутан писаниями большевиков и чужих революционеров; мало в каком периоде своей истории Россия так оболгана, так унижена, изображена так дрянно. Личные свидетельства современников и участников событий, будущи неизбежно односторонними и узкими, способны убеждать своей документальностью, но они же способны и дезориентировать и даже сбивать с толку. Не зная же прошедшего, нельзя судить о будущем.

Разобраться во всей сложности, а подчас и противоречивости документов и личных показаний, привлечь свидетельства лиц беспристрастных, пропустить весь этот материал сквозь фильтр фактов есть дело чрезвычайно важное, ибо только так может быть достигнуто полное изображение прошедшего. Исполнить этот труд есть дело чести.

Эта честь принадлежит группе русских патриотов, которая, собрав глянцевый материал исторических документов, составила капитальный труд под заглавием: "Царствование Императора Николая II". Этот труд изложен С. С. Ольденбургом и издан Обществом Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы. Первые две книги этого труда, составляющие 385 стр. (последовательным счетом), изданы в Белграде в 1939 г. Третья книга, 260 стр., — в Мюнхене в 1949 г. Всего 645 стр. Издание снабжено некоторыми иллюстрациями документального и мемориального характера. Обложка, выдержана в Романовских цветах — желтый и черный, — и украшена Русским гербом — Двуглавым орлом.

Труд С. С. Ольденбурга войдет в будущее в число книг, обязательных для каждого образованного человека, как русского, так и иностранца, желающего иметь добросовестные отношения с Россией и с русским народом. Обязательна она и сегодня.

Книга начинается текстом Манифеста о восшествии на Престол Государя Императора Николая II-го и заканчивается Его отречением. Она охватывает период почти в четверть века истории России (1894-1917), всесторонне проникая в самые разнообразные уголки. Международные события, касавшиеся России, общественные настроения, политическая, экономическая, императорская жизнь... — всему уделено возможное внимание, причем не обойден и

такие уголки, как литература и искусство.

Нет ни одного события жизни России за описываемые двадцать три года, которое в этой книге было бы описано не на основании документов, многие из которых тут же цитируются. Если автор иногда и предлагает свое мнение, то оно всегда основано на фактах и не соглашается с ним нелепо. Книга С. С. Ольденбурга есть книга фактов. В этом ее поразительная сила. И это делает ее, пожалуй, самой контрреволюционной книгой, самым сильным оружием против большевизма, самой прочной базой для определения благоденственного пути для будущего России.

Автору не удалось, да он, очевидно, и не хотел, скрыть своей сыновней любви к Родине, и патриотическое чувство каждого русского сердца находит в ней питательные соки.

Сохраняя верность отражению фактов, приводя ряд таких, которые злонамеренно скрывались тенденциозными течениями, С. С. Ольденбург очищает лик последнего Русского Царя от тени и грязи, которыми Его забросали ненавидевшие Его политические противники и личные ненавистники. Что бы ни говорили те или иные мемуарные записки, факты говорят за себя. Ни отвергнуть, ни оспорить их невозможно. И эти факты показывают историческую правду. Тот, кто добросовестно прочитал книгу С. С. Ольденбурга, видит Государя Императора Николая Александровича во весь Его гигантский рост, видит Русского Царя, украшенного величием и смиренiem. Русский Царь стоит выше всех Своих современников. Скакать "на голову выше" значило бы прибегать к литературной фигуре, надобности в которой нет. Истинное величие не нуждается в эпитетах.

Общая историческая картина жизни России в описываемую в книге эпоху наглядно доказывает полную работоспособность монархического образа правления страны, идущей в ногу с техническим прогрессом и общим модернизмом, и хранящей в то же время верность своей исторической основе, своим исконным чаяниям и стремлениям. Вопреки всей лжи большевистской исторической литературы, в свете документальных фактических данных становится очевидно, как за годы последнего царствования систематически и неуклонно напастали благосостояние и государственная мощь России, как постепенно изглаживались естественные социальные бедствия, свойственные всякой стране, как Россия шла к певому месту среди Европейских держав. И, наблюдая эту картину жизни нашей Родины, читатель невольно проникается глубоким чувством негодования к революционерам, желавшим "великих потрясений". Становится неопровержимо ясно, что за всеми их идейками о благе народа стояла злая воля и непокрытая жажда власти. Они ненавидели Россию. Поэтому ненавистен им был и Русский Царь.

Бурными были волны, через которые шел корабль России в течение четверти века последнего Царствования. Кормчий твердо держал курс, перевозя государственный корабль от гребня волны к спокойной воле, пока не вздымался новый вал испытаний для страны и народа. Но люди, наполнявшие корабль, исполнились зависти к Кормчему и стали сеять недоверие к Нему, исключительно ради своей злой воли. Призванные помогать Ему, они Ему мешали, будучи озабочены единственной целью: овладеть кораблем. Вместо того, чтобы жестоко покарить своеволие этой возмущающей кучки, Кормчий, уважая их свободу, призвал их к сотрудничеству. Они вырвали руль из Его рук. Корабль низвергся в пучину, увлекая за собой и ценный груз и людей на нем плывших, и самих бунтарей, хранивших руль в свои неумелые, злонамеренные руки. Такова история последнего Царствования.

Достоинства книги огромны. Ее нельзя не знать!

Как и всякий человеческий труд, книга С. С. Ольденбурга не лишена и недостатков. При специальному стремлении найти таковые мы рассмотрели лишь один, но — чем больше мы к нему присматриваемся, тем более значительным он нам представляется. Это — недостаточно яркое отражение сущности отношений между Царем и Государством, а также обществом и Церковью в России.

Крайне важно, чтобы в истории бы-

СЛУШАЙТЕ
РУССКИЕ ПЕРЕДАЧИ
ПО
RADIO NACIONAL

710 килоцикл.

КАЖДУЮ СУББОТУ В 17.30 ЧАСОВ.

ло записано, что преступление революции параллельно отступничеству от Церкви.

Уделив внимание всем аспектам жизни России, коснувшись даже событий театральных подмостков, автор напрасно лишь вскользь говорит о Церкви и совершенно не упоминает о ее жизни и о личностях, имевших столь существенное влияние на русскую общественную мысль и оказавшихся, в значительной мере осью, вокруг которой развевывалась революционная борьба. Между тем, время Императора Николая Александровича это — время о. Иоанна Кронштадтского, время последних лет еп. Феофана, вышенского затворника, и годы большого влияния старчества на русское общество (Оптина Пустынь и др. очаги русской культуры). Далеко недостаточно отражена и борьба русского общества против Церкви, его антицерковные настроения, выразившиеся, напр., в выступлении Орловского предводителя дворянства Стаховича в 1902 г., а также и борьба вокруг личности митр. Антония (Храповицкого), имевшая большое отражение в русской жизни. Без полных данных об этом, картина русской жизни лишена крайне важного блика света, объясняющего многое в последующих событиях. Оправданьем автору в этом отношении может служить лишь стремление к краткости, в этом случае явно чрезмерное.

Моральное состояние русского общества, характеристика его морального разложения усматриваются в книге, лишь при условии пристального внимания к этому аспекту. Поэтому, у того, кто читает книгу С. С. Ольденбурга без специально намеренного проникновения в эту именно область, складывается непонятная конфигурация: все шло к лучшему, а революция все таки произошла. В чем дело? Неужели же все совершилось только усилиями Гучкова, Милюкова, Керенского и Ленина? Как могло получиться, что бунт столичной черни и кучки дезертиров повалил с пьедестала могучую многовековую Империю? Откуда же армия революции, без которой ее генералы ничего не могли бы сделать?

Посвятив много строк событиям университетской жизни, автор не отразил того — чему же обучалось русское учащееся поколение, как в высшей так и в средней школе. Но именно эти-то учебные заведения на протяжении поколений и давали тот извращенный тип русских людей, которые одной частью своей сеяли плевелы революции, т. е. создавали данные, требовавшие изменения; а другой частью взывали к революции и стремились к ней, подлая эти плевелы фактором, присущим Императорскому режиму, и считая себя благодетелями Родины и рода людского. Взять хотя бы то, что в умах молодежи царил Белинский, а не Гоголь, что был отвергнут Лесков, что французская революция в школе не осуждалась, но оценивалась, как явление, заслуживающее подражания, что предмет Закона Божия был посмешен, и в школе доминировали настроения поклонения Западу и презрения к России.

Если бы эта сторона жизни России была автором должным образом акцентирована, от читателя не могли бы укрыться причины морального разложения, стало бы ясно, что именно этот гнилостный процесс и есть наследие XIX-го века, отмеченное автором, как пагубное, что именно он удобрил почву для всходов семян революции, напоял Россию атмосферой трусости, обмана и предательства, дал генералам от революции нужную им агонию, рядовые которой до сих пор продолжают думать, что революция была нужна. Было бы сегодня яснее и то, откуда надо вести наступление за Россию, не увлекаясь воспоминаниями, и не впадая в ложно-патриотический восторг.

Как бы существенным ни был этот недостаток книги, относящийся, впрочем, преимущественно к изложению, а не к существу, он не нарушает общего ее достоинства. Высоко возноса честь России, осуждая генералов от революции, она доказывает всю ненужность, а

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ ЧИТАЙТЕ
Полк П. Н. Богданович
ДНЕВНИК ЛИТВИНОВА
(1926-1950)

Записи М. Литвинова в его личном дневнике, дающие новые материалы, освещающие

Дело Кутепова
и много неизвестных данных по ряду вопросов: РОВС и эмиграция; Антисемитизм; Чистка в Красной Армии перед войной; Вторая Мировая война; и т. д.

Читайте в следующем номере
ДЕЛО КУТЕПОВА

потому и преступность революции, указывает ее заблудившимся рядовым на их преступную ошибку, способную быть изглаженной жертвенной борьбой за Россию, покаянием, или... наказанием.

Совершенно очевидно, что деятели революции не могут хладнокровно читать эту книгу. Заранее приклеив ей ярлык “черносотенной макулатуры”, которая “издает неприятный запах” (Дьявол не любит запаха ладана!), они либо не берут в руки эту книгу, либо обходят ее молчаливо. Они привыкли взывать к уважению взглядов противника и требуют, чтобы их взгляды уважались и почитались. Но взгляды монархистов и патриотов они ни уважать, ни терпеть не могут. На факты, опровергающие их, они просто закрывают глаза.

Допустим, однако, что кто-то из них взялся бы за книгу С. С. Ольденбурга. Желание опротестовать этот капитальный труд и тем обелить себя толкнет их поставить на вид автору какие-то аспекты, кажущиеся им важными, но обойденные автором без должного внимания. Но даже и так, ни один из этих аспектов, будучи введенным в картину, (если ее удастся найти, ибо книга блещет полнотой), не нарушит общего впечатления, слагаемого из фактов и в корне осуждающего революцию.

Мало выдвинуть новые аспекты. Надо опровергнуть осуждающие революцию факты. Но отвергнуть, или опровергнуть их нельзя, а не зная их есть признак невежества. И если бы дошло до возражений... мы не позабудем революционным оппонентам С. С. Ольденбурга. Фактами его книга изобличает революционеров, как злодеев, людей флюи воли. Единственным оправданием некоторой их части может служить их невежество, а оно иногда способно превратить злодейство в добродетель — “Хотели хорошего! Жертвовали собой!” Но пусть даже добродетель невежества облакает кого-то из революционеров в тогу героизма. При доброй совести их уделом останется стыд. Сделает честь этим добросовестным революционерам, если они, увидя себя в зеркале истории, уснут своего собственного зрака, и горе им, если не раскаются!

Благополучие в будущем возможно только при верности прошлому. Верности правде прошлого Родины.

Тот, кто, становясь в позу политического деятеля, или же подлинно будучи таковым, берет судить о судьбах России и о ее будущем, не зная книги С. С. Ольденбурга, не изучив ее все-

сторонне, не отнесясь критически к ней, а более того, к самому себе, тот уподобляется школяру, пишущему о Пушкине, не читав “Бориса Годунова”, или о Гоголе, не читав “Избранных мест из переписки с друзьями”.

Пусть книга С. С. Ольденбурга не есть “альфа и омега” (хотя она к этому близка в историческом смысле). Она есть та песня, из которой слова не выкинешь; мало того — та песня, без которой нельзя сложить и музыку на будущее.

Хочется надеяться, что этой книге предстоит видеть много изданий, и что в последующих она будет доведена до совершенства. Как хорошо было бы, если бы она могла дойти до сознания иностранного общественного мнения! Дай Бог, чтобы на ней воспитывались новые поколения русских людей. Она поможет не только “измерить аршином”, не только “объять умом Россию”... она поможет поверить в Россию, а поверив в нее, она убедит новые поколения в том, насколько глубоким является преступление революции; преступление, за которое русский народ несет тяжкое, но, увы, заслуженное наказание.

Труд С. С. Ольденбурга “Царствование Императора Николая II” и издание его обществом Распространения Русской Национальной и Патриотической Литературы есть великое дело чести русской эмиграции, за которое грядущие поколения будут эту эмиграцию чтить. В мире свободы и благополучия она не увлеклась “чечевичной похлебкой” благобытия, не предалась сладости жизни, но жертвенным трудом разрыла прагу о родной земле и о ее последнем Царе, сохранила верность России и свет этой верности она донесет до русского сердца.

Единственно чего можно опасаться в будущем (если это опасно) это то, что имя автора книги в просторечии вытеснит ее подлинное заглавие. Когда Россия будет свободной страной, люди будут спрашивать один у другого: — Вы читали Ольденбурга?

И если придется слышать отрицательный ответ, то будут восклицать: — Ну, батенька мой! Так вы тогда вообще ничего не читали!

Эти последние слова мы сегодня должны сказать всем, кто живя на свободе, до сих пор не читал этой книги.

Н. Кусаков

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на местах. Стоимость объявления, помещенного в трех последовательных номерах, 2 дол. в валюте соответствующей страны. Для Аргентины — из расчета 1 дол. равен 20 песо арг.

Слава, Петя, Алеша и Катя! Если кто либо из вас оказался за границей, отзовитесь по адресу редакции газеты “Наша Страна” на мое имя. Ваш отец и дядя Павел.

Жорж Цыбизов из Кринлачевки, Ягор Костырко из Тарановки, бывш. инж. Г. Николаев из Днепропетровска, бывш. директор Никопольской типографии и редактор районской газеты Н. Поляченко просят родных и знакомых писать по адресу:

N. Pol, Estafeta Corcovado, Chubut, Argentina

Знающих что-либо о родных доктора Николая Ивановича Шиловецел и инж. Рафаила Рафаиловича Петрова просят сообщить о них, по адресу:

Sr. Rafael Petroff, Caixa Postal 8015 Sao Paulo, Brasil

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга **МИХАИЛА БОЙКОВА ЛЮДИ СОВЕТСКОЙ ТЮРЬМЫ** (В двух томах; около 800 стр.) Цена каждого тома в Аргентине 65 песо, в других странах 3.25 ам. долларов. Выписать можно через Издательство “НАША СТРАНА”

PROPAGANDA ROJA EN ARGENTINA

(Conclusión)

En Buenos Aires tampoco guardan silencio las representaciones diplomáticas comunistas. La Embajada de la URSS lanza por millares la revista de propaganda “Novedades de la Unión Soviética” y edita libros y folletos por su cuenta, que distribuye a precios tan irrisorios que ni siquiera cubren el costo de sus tapas. Las legaciones de Rumania, Polonia, Hungría, Checoslovaquia, etc., publican sus respectivas revistas o boletines ilustrados. La Comisión Argentina Pro-Fomento del Intercambio edita su órgano de difusión económico-comercial “Intercambio”, a través del cual los avisadores de las firmas comunistas ofrecen sus mercaderías.

En la Argentina funcionan las oficinas de la Skoda Platense S. A., representantes de la Strojexport, de Praga, Checoslovaquia; el Departamento Comercial de la Legación de Polonia; los representantes de DIA, de la República Democrática Alemana; de Technolimpex, de Hungría; de la Teksnopomimport (Representación Comercial de la URSS en la República Argentina); Industrias Búlgaras, etc., etc.

Por otra parte las delegaciones deportivas, artísticas, culturales, científicas vienen y van de Argentina a la URSS y de Argentina hacia cualquier otro país situado detrás de la Cortina de Hierro. Los máximos dirigentes del Partido Comunista de la Argentina se trasladan a Checoslovaquia, Polonia, URSS y China, como si fuera tan fácil ir de un lado al otro como entre cualquier ciudad y ciudad de la República Argentina.

(“Frente Común”, setiembre 1957)

КОМИТЕТ ПО УСТРОЙСТВУ ВЫСТАВКИ “40 ЛЕТ ПРЕСТУПЛЕНИИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ” покорнейше просит всех лиц, еще имеющих у себя подписные листы, закончить сбор и слать их вместе с собранными суммами, 5-го ноября с. г. от 20 до 22 часов на Карлос Кальво, 2851.

КОМИТЕТ

КАЗНА ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ В “Казну Великого Князя Владимира Кирилловича” поступили следующие суммы:

от Б. Б. Г. — 1.000 фр., от Павла Русского — 200 круз., от П. Костова — 100 круз., от К. Роген — 25 шв. фр., от С. М. Соловьева — 2 дол.

В з н о с ы в “Казну Великого Князя Владимира Кирилловича” принимаются редакцией “Нашей Страны” и всеми ее представителями на местах.

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ ИВАНА ЛУКЬЯНОВИЧА СОЛОНЕВИЧА

В “Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича” поступили следующие суммы:

Отчисления от членских взносов Парижского Отдела НМД за месяцы Август и сентябрь 1957 г. — 6300 фр., от М. Марамбеевой — 3.00 ам. дол. от Коняева — 500 фр., от Павла Русского — 1.000 круз., от Хабчанк — 100 круз., от П. Костова — 100 круз.

В РЕДАКЦИЮ “НАШЕЙ СТРАНЫ” ДЛЯ ПЕРЕСЫЛКИ НА АФОН поступили следующие суммы:

от Дмитриева — 500 фр., от Сидоренко — за июль-октябрь 1957 г. — 4.000 фр. от Владимировова — 500 фр.

ПОСТУПИЛО НА ИЗДАНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ от полк. Родина — 2.000 фр., от К. Роген — 25 шв. фр.

Вышла из печати и поступила в продажу новая книга **Н. КУСАКОВ В С Ю Д У Ж И З Н Ь** Цена — 1.50 ам. дол.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ NUESTRO PAIS Organo Monárquico Ruso

Editor-Director VSEVOLOD DUBROWSKY Monroe 4219, Buenos Aires, Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR: Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8406 Correio Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Correo Central Clasificador F 456, Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Av. Sarria 24, Quinta Coromoto (Club Ruso), Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, M.P. O. C. Dirección General de Vialidad, Alberdi esq. Gral. Díaz. Asunción.

U. S. A. Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E. 14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 3, Ont.

Mr. André Alpatoff, 11961, rue Poincaré. (Bordeaux), Montreal (P. Q.)

“Derby Universal Book Agency”, P.O.B. No. 27, Station “B”. Phone Jackson—2-3927. Hamilton, Ontario

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliothèque Slavica — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, “Kama” 27, rue de Villiers, Neuilly s /Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 142

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athènes.

Norge: Mr. F. Dymsha, Möller gt. 42/III. Oslo. Norge

Holland: G. A. Kolf, Amsterdamse Weg 96, Arnhem.

AUSTRALIA

Mrs. E. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda, Brisbane, Q-d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. M. M. Spassovsky, 8, Richmond Str., South Wentworthville, N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdowsi, Teheran.

ИЗДАТЕЛЬСТВО “НАША СТРАНА”

В начале ноября с. г. выходит из печати и поступает в продажу новая книга..

Г. МЕСНЯЕВ

ЗА ГРАНЬЮ ПРОШЛЫХ ДНЕЙ

С о д е р ж а н и е :

I За гранью прошлых дней. — Околдованный витязь (1. “Князь Серебряный”. 2. Во дворце. 3. “Тень Грозного”. 4. Закат печальный).

II Кадетские годы (1902-1909). — Давнее.

III “Семигорье”. — “Бимлюк”. — Еврейская больница. — Вайнахт. — Святая простота.

Цена — Ам. дол. 3.30 или эквивалент в местной валюте. В Аргентине — 80 песо. Стр. 374.

Заказы направлять автору или по адресу редакции “Нашей Страны”.

Продолжается подписка на ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

НАША СТРАНА

основанную И. Л. Солоневичем под редакцией Вс Дубровского **ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА** Аргентина — 3 песо; САСШ — 30 ам. цент.; Канада — 30 кан. ц.; Бразилия — 6 круз.; Венесуэла — 1 бол.; Уругвай — 40 ур. сент.; Парагвай — 8 гуар.; Чили — 25 чил. песо; Англия — 1 ш. 3 пенса; Франция — 60 фр. фр.; Бельгия — 10 бельг. фр.; Швейцария — 1 шв. франк; Германия — 75 пф.; Иран — 10 риал; Австралия — 1 ш. 6 пенс. австр.; Марокко — 60 фр.; Италия — 150 лир; Голландия — 0.65 гульдена; Швеция — 1 шв. кр.

С ДОСТАВКОЙ ПО ВОЗДУШНОЙ ПОЧТЕ

В САСШ и Канаде — 35 цент.; в Бразилии 8 круз.; в Венесуэле — 1.25 бол.; в Парагвае — 10 гуар.; в Чили — 50 чил. песо; во Франции — 100 фр. фр.; в Германии — 1 нем. марка; в Голландии — 1 гульден.

В розничной продаже и при подписке — цена номера одинакова. Подписную плату настойчиво просим вносить не менее чем за 3 д е с я т ь номеров вперед.

ПОДПИСКА принимается Редакцией “Нашей Страны” и ее представителями на определенное количество порядковых номеров, или на срок на 6 или на 12 месяцев (подписная плата в этом случае равна соответственно стоимости 25-ти или 50-ти номеров)